

УДК 81'27

DOI 10.25587/2310-5453-2025-2-32-47

Оригинальная научная статья

Ресурсы этничности в городской идентичности северян

А. Н. Биткеева^{1,2}✉, И. С. Хохолова³

¹Институт языкознания РАН

²Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Российская Федерация

³Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация,

✉ an.bitkeeva@iling-ran.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению идентичности жителей северных городов, социальным, пространственным и лингвистическим взаимосвязям в условиях городского пространства в контексте меняющейся городской среды. В центре внимания оказывается функционирование языков в условиях стремительной урбанизации, где языки коренных народов сталкиваются с доминирующими языками коренных народов. Основными методами получения знаний об этнокультурной и языковой специфике городской идентичности являются социолингвистические анкетирования и развернутые автобиографические нарративы. В основе анализа в статье представлены материалы, полученные в ходе полевого исследования, проведенного авторами в Якутске, Мирном Республики Саха (Якутия) и г. Анадыря Чукотского автономного округа в 2023-2024 гг. Результаты исследования демонстрируют, что урбанизация, будучи мощным фактором развития, одновременно создает серьезные проблемы для коренного населения Севера. Процесс ассимиляции, сопряженный с переходом к городской культуре и распространением языка большинства, приводит к потере языкового и культурного наследия, создавая социальные риски и угрозы самобытности коренного населения. В крупных городах, таких как Якутск, языковая комфортность напрямую зависит от социально-экономических факторов. В малых городах, таких как Анадырь и Мирный, на языковую комфортность влияют географические (природно-климатические) условия, а также социальные и политические аспекты, непосредственно связанные с экономической ситуацией. Результаты показывают, что этнокультурная комфортность проявляет-

© Биткеева А. Н., Хохолова И. С., 2025

ся в запросе на этнизацию городской среды, включая использование элементов традиционной культуры в архитектуре, публичных мероприятиях и повседневных коммуникациях. В полиэтничных городах, как Мирный, ключевыми факторами этноязыковой комфортности становятся чувство уютной и компактной среды, где представители разных этнических групп могут взаимодействовать, сохраняя свою самобытность. Исследование также выявило различия в восприятии межэтнического взаимодействия: часть респондентов демонстрирует толерантность, в то время как другие испытывают дискомфорт из-за языковых барьеров и культурных различий. Полученные данные подчеркивают необходимость разработки стратегий языковой политики, направленных на поддержание баланса между интеграцией и сохранением этнокультурного многообразия в условиях урбанизации.

Ключевые слова: городская идентичность, северные арктические города, языковая комфортность, межкультурное общение, урбанизация, миграционные процессы, социально-экономические факторы, природно-климатические факторы, политические факторы, коренные народы Севера

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Биткеева А.Н., Хохолова И.С. Ресурсы этничности в городской идентичности северян. *Арктика XXI век.* 2025, № 2. С. 32-47. DOI: 10.25587/2310-5453-2025-2-32-47

Original article

The resources of ethnicity in the urban identity of Northerners

Aysa N. Bitkeeva^{1,2}✉, *Irena S. Khokholova*³

¹Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

²A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

³Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ aisa_bitkeeva@yahoo.com

Abstract

This article examines the formation of urban identity among residents of northern cities, analyzing the complex interplay of social, spatial, and linguistic factors in rapidly changing urban environments. Focusing on language dynamics under conditions of accelerated urbanization, the study explores how indigenous

languages interact with dominant linguistic systems in Arctic urban centers. The research employs sociolinguistic surveys and in-depth autobiographical narratives to analyze original fieldwork data collected in 2023-2024 in Yakutsk and Mirny (Republic of Sakha (Yakutia)) and Anadyr (Chukotka Autonomous Okrug). Findings reveal urbanization's dual nature as both a development catalyst and a challenge for northern indigenous communities, with assimilation processes threatening linguistic and cultural heritage while creating risks to ethnic identity preservation. The study demonstrates that linguistic comfort in major cities like Yakutsk correlates with socioeconomic factors, while in smaller centers like Anadyr and Mirny it is shaped by geographic conditions, social dynamics, and political-economic configurations. Notably, ethnocultural comfort manifests through demands for ethnicization of urban spaces, including integration of traditional elements in architecture and public events. In polyethnic cities like Mirny, key factors for ethno-linguistic comfort include compact urban morphology and opportunities for intercultural exchange. The research documents divergent attitudes toward interethnic interaction, underscoring the need for language policies that balance integration with preservation of ethnocultural diversity in transforming northern urban environments.

Keywords: urban identity, northern Arctic cities, linguistic comfort, intercultural communication, urbanization, migration processes, socio-economic factors, natural and climatic factors, political factors, indigenous peoples of the North

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation "Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)", № 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Bitkeeva A.N., Khokholova I.S. The resources of ethnicity in the urban identity of Northerners. *Arctic XXI Century*. 2025, No 2. P. 32-47 (in Russian). DOI: 10.25587/2310-5453-2025-2-32-47

Введение

Тема лингвоэкологии Севера особенно популярна в последние годы, исследование языкового многообразия в городском пространстве традиционно, тем не менее исследование языкового пространства северного арктического города имеет свою новизну, актуальность и определенный научный интерес.

В статье речь пойдет о некоторых результатах полевого исследования, проведенного авторами в г. Якутск, Мирный Республики Саха (Якутия) и г. Анадырь Чукотского автономного округа в 2023-2024 гг. В исследовании были задействованы разные социальные группы: 1) представители разных этнических групп, 2) эксперты.

Понятие идентичности введено в междисциплинарное поле исследования Э. Эриксоном. Тема довольно разработанная, отражена в работах Ч. Кули, Дж. Мид, Э. Геллнер, Т. Шибутани, И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман и др. С примордиалистских позиций этническую идентичность рассматривали П. Вандеберг, К. Гирц, Э. Смит, Э. Стюарт, С.М. Широкогоров, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, В.И. Козлов, С.А. Арутюнова и др. Конструктивистский подход представлен исследованиями Э. Хобсбаума, Б. Андерсена, Дж. Комарофф, А. Коэна, В.А. Тишкова, А.В. Головнева и др.

Самоидентификация личностная, социальная или мета уровень образуют идентичность. «Проблематика идентичности, отличительности, аутентичности оказалась стержнем в городском развитии и теоретическом осмыслении города» [1, с. 174]. Городская идентичность является частью социальной личности, где самоидентификация формируется на основе представлений социума, в котором индивид включен и с которым взаимодействует и которого способен изменять [1, с. 175].

Определение городской идентичности не является незыблемым. Существуют разные подходы, которые рассматривают городскую идентичность как географическое, экономическое, политическое, социально-демографическое, культурное, философско-антропологическое, психологическое явление. Городская идентичность, прежде всего понимается исследователями как географическое явление, связанное с территорией проживания. О.А. Богатова отмечает, что «городская идентичность рассматривается в отечественных исследованиях в качестве разновидности территориальной идентичности, включающей такие компоненты, как идентификация с «пространством принадлежности», связанная непосредственно с принадлежностью к группе, обладающей «общими социокультурными чертами», и идентификация с «территориальным пространством», которое представляет собой самоотождествление с особой географической областью и проживание на ней» [2, с. 362].

Особое направление исследований представляет городская идентичность, что особенно актуально в последние десятилетия в связи с активной урбанизацией и индустриализацией. В определении городской идентичности существуют разные подходы, которые рассматривают городскую идентичность как географическое, экономическое, политическое, социально-демографическое, культурное, философско-антропологическое, психологическое явление. Город, по мнению А. Лефевра, представляет собой социокультурное пространство с символическим и функциональным значениями [3, с. 169], что подтверждается теорией Й. Терборна о сегрегации социальной активности в зависимости от

доходов и занятости [4]. Городская идентичность, прежде всего понимается исследователями как географическое явление, связанное с территорией проживания. Городская идентичность рассматривается в отечественных исследованиях в качестве разновидности территориальной идентичности, включающей такие компоненты, как идентификация с «пространством принадлежности», связанная непосредственно с принадлежностью к группе, обладающей «общими социокультурными чертами», и идентификация с «территориальным пространством», которое представляет собой самоотождествление с особой географической областью и проживание на ней [2, с. 362].

Символическое пространство города изучается через элементы структуры идентичности, включающие когнитивный, аффективный (эмоциональный), ценностно-смысловой (ценностно-нормативный) и практический (поведенческий, деятельностный, инструментальный) компоненты [5, с. 14].

В городе одновременно сосуществует и взаимодействует множество сетей социальных связей, которые носят территориальную привязанность [6, с. 113]. Локальная и /региональная идентичность связана с территориальным поведением. Взгляд на город, согласно Т.В. Ивановой, формируется как сочетание городской психологии, не только включающей пространственные ориентиры, но и временные аспекты: «городские ориентиры («символы города», достопримечательности, психологически значимые для большинства жителей городские объекты, создающие основной каркас ментального образа города), городские территории («психологические районы», предпочитаемые и не предпочитаемые жителями по разным критериям), городские маршруты («пути» – наиболее удобные с точки зрения большинства жителей направления перемещений до значимых городских объектов), высотность («этажность» – умозрительно и субъективно ощущаемое значение средней высоты зданий города) и динамичность («темпоритм» – скорость жизни в городе, проявляющаяся в первую очередь в средней скорости пешеходов)» [7].

Город исследователями рассматривается «как важнейший объект психологических исследований, прежде всего, как фактор личностного развития и психологического благополучия конкретного человека» [8, с. 15]. Н.С. Дягилева и Л.А. Журавлева предложили новую систему классификации факторов, влияющих на формирование городской идентичности. Они выделили следующие категории: стабильные факторы (местоположение, климат, история), изменчивые факторы (размер и население города, внешний облик, благосостояние, культурные традиции) и символические факторы (городская символика, политический климат,

культурные коды, знаковые). Внутри сообщества происходят обмены, влияющие на характер коммуникаций, а также на моду отдельных товаров и услуг, знаковые личности и события [9, с. 58]. В условиях глобализации наблюдается интенсификация миграционных процессов и переход на доминирующие языки и культуру. Малые языки неизбежно подвергаются трансформациям, при этом доминирующее положение занимают языки, включенные в социально-коммуникативную систему конкретного государственного или территориального образования. В связи с этим возникает необходимость изучения взаимосвязи языка(ов) и городских сообществ, появляются ряд проблем, связанных с языковыми идеологиями, формируемых не только под влиянием официальной языковой политики, но и низовой.

Язык не является облигаторным этнообразующим признаком, поскольку определяющим при самоидентификации оказывается этничность. «... Этнос, меняя язык, может сохранить свою идентичность, если остается неизменной основа культуры, представление единства с предками, говорившими на ином языке» [10]. Следовательно, язык выполняет не коммуникативную функцию, а символическую, соотношенную с социокультурным пространством, в котором человек себя осмысляет. Символьные функции языка представляют место жизни человека сквозь призму его мировоззрения, духовного опыта, ценностных ориентиров; транслируют особенности социального, политического, экономического, культурного контекста.

Язык, который человек использует, отражает его этническую принадлежность и активность в общении. Важным аспектом этнической самоидентификации, согласно Б.Н. Бокаеву, является родной язык, независимо от уровня владения им. Чем реже люди обладают родным языком, тем более они склонны придавать себе этот характерный признак своего этнического происхождения [10].

Результаты социально-психологического опроса по городской идентичности и языкам

Исследователи А.В. Микляева и П.В. Румянцева впервые провели исследование городской идентичности как социально-психологического явления в отечественной психологии. Городская идентичность, согласно исследованиям, формируется через групповую идентификацию с жителями определенного города, в отличие от жителей других мест [11; 12]. Городская идентичность прямо и косвенно определяет имидж и бренд города, представление человека о своем психологическом благополучии и качестве жизни, уровень конфликтов на социальной почве, миграционные процессы.

Исследование, направленное на анализ уровня комфорта в языковой среде, показало, что горожане Якутска оценивают комфортность языковой среды города, в первую очередь, исходя из уровня социально-экономического развития городских районов, где расположены культурные, образовательные и деловые центры, а не только от языкового и культурного контекста.

Согласно, данным опроса, категориями комфортности в г. Якутске у испытуемых являются:

1. «Безопасность» (4,56 %) является одной из основных категорий комфортности/некомфортности в городской среде. Испытуемым комфортно в городе – там, где я живу (1,14 %), некомфортно, где слишком отдаленные районы (мигранты, незнакомые места, криминальная опасность; много таджиков, мужчин и в целом курят и пьют) – 1,14 %, нет друзей, много тревоги (1,14 %), собаки и прочее (1,14 %).

2. «Близкое окружение» (3,42 %). Испытуемым комфортно, когда есть знакомые и родственники (1,14 %), много друзей и меньше суеты (1,14 %), и некомфортно, когда нет друзей, много тревоги 1,14 %.

3. «Плотность населения» (3,42 %). В местах, где плотность населения невелика, испытуемые чувствуют себя комфортно.

4. «Инфраструктура» (2,28 %). Испытуемым комфортно, где работает транспортная служба (1,14 %), и некомфортно, когда дорога плохая (1,14 %).

5. «Языки» (1,14 %) является категорией комфортности для билингвального населения столицы. Испытуемым комфортно, где есть владение двумя языками (якутским и русским) – 1,14 %.

Категории языковой комфортности малых городов сравнительно внешне отличаются от больших городов своими качественными и количественными компонентами. Если в крупных городах языковая комфортность напрямую обусловлена социально-экономическими факторами, то в малых населенных пунктах проявляются свои особенности, зависящие прежде всего от географических (природно-климатических) условий, социальных аспектов, а также косвенно связанных с экономическими и политическими обстоятельствами.

К категориям языковой комфортности и дискомфорта у испытуемых в г. Анадыре относятся:

1. Адаптация (2,65 %). Проведенное исследование выявило, что для жителей Анадыря адаптация является значимым компонентом языковой комфортности. Полученные данные демонстрируют следующие показатели: 0,53 % респондентов отметили универсальную адаптацию («адаптируюсь ко всему»), тогда как такое же количество (по 0,53 %)

испытывает дискомфорт в различных ситуациях – при нахождении среди незнакомых людей, вне дома, в гостях, а также из-за холодного климата. Представленные результаты, на наш взгляд, обусловлены прежде всего возрастными особенностями опрошенных: молодые люди в возрасте 18-30 лет проявляют повышенную чувствительность к непривычной обстановке. В рамках данного исследования адаптация рассматривается как процесс приспособления к внешним условиям. Особую значимость в региональном контексте приобретает адаптация к специфическим условиям Арктики, включая экстремальные климатические особенности и специфику жизнедеятельности в высоких широтах.

2. Пространство (1,59 %). Результаты исследования показывают, что пространственная организация среды является значимой категорией для жителей Анадыря (1,59 %). В частности, 0,53 % респондентов отмечают комфорт в больших помещениях, тогда как такое же количество (по 0,53 %) испытывают дискомфорт вне дома и в гостях. Эти данные отражают характерную для северян-анадырцев особенность восприятия пространства: для них важны как широта окружающего пространства, так и наличие личного, «своего» пространства

Согласно опросу в Анадыре, зоной языковой комфортности является центр города. Русский язык является полифункциональным языком в Анадыре. Миноритарные языки функционируют в доме культуры, образовательных учреждениях (колледж) и в с. Тавайваам¹, который отмечен респондентами как неблагополучный район, район социальной напряженности, а также как некомфортная зона общения. Языками общения в Тавайвааме являются миноритарные языки – чукотский, эскимосский. Такие неблагоприятные результаты в Тавайвааме связаны со спадом в экономике – утраты традиционного оленеводческого хозяйства в 90-х гг., и с его последствиями – 20 % безработных.

В полиэтничном промышленном городе Мирном, характеризующемся процессами внутренней колонизации и трудовой миграции, ключевыми факторами языковой комфортности/некомфортности выступают:

1. Уют и компактность (4,24 %). Это проявляется в предпочтении малых городских пространств: 1,06 % респондентов отмечают комфорт в условиях маленького уютного города с шаговой доступностью, столько же ценят отсутствие суеты (1,06 %). При этом 1,06 % опрошенных чувствуют себя комфортно только в центральных районах, а аналогичный

¹ Тавайваам является национальным чукотским поселком внутри города Анадыря, где проживает согласно данным 2009 г., 420 человек, из которых 380 – коренные малочисленные народы Севера.

процент (1,06 %) выделяет домашнюю среду как наиболее комфортное пространство.

2. Общительность – избегание людей (2,12 %). Социально-коммуникативные предпочтения испытуемых демонстрируют амбивалентность: 1,06 % респондентов положительно оценивают доброжелательность и общительность местных жителей, тогда как 1,06 % испытывают этнически обусловленный дискомфорт, выражающийся в неприятии отдельных этнических групп (кавказцев, представителей Средней Азии и якутов).

Результаты исследования выявили следующую тенденцию: большинство респондентов охотнее завершали фразу «Мне комфортно в городе, где...», тогда как вариант «Мне некомфортно в городе, где...» вызвал меньшую готовность к ответу. При этом процент отказов от ответа составил 12,5 % для вопросов о комфортности и 17,5 % – о некомфортности.

В результате исследования, проведенного с применением методики незавершенных предложений, было установлено, что около половины участников опроса (53,75 %) утверждают, что присутствие представителей других этносов не оказывает влияния на их комфортность или некомфортность. Другие 22,5 % участников отметили, что чувство дискомфорта может быть вызвано недопониманием других этносов из-за незнания языка, культуры и различий в менталитете. 12,5 % участников ощущают комфорт при межэтническом общении между русскими и коренными народами Севера внутри региона.

Отказ от участия в опросе о комфорте общения с представителями других этносов был зафиксирован у 41,25 % испытуемых. При этом 37,5 % участников не захотели отвечать на вопрос о дискомфорте в аналогичных ситуациях.

Рассмотрим структурированные и полученные на основе результатов исследования факторы, которые влияют на комфортность и некомфортность в отношениях с другими этносами:

1) Более половины опрошенных (53,75 %) отрицают влияние этнической принадлежности на уровень комфортности/некомфортности в коммуникации: а) Испытуемым комфортно «Со всеми» (40 %) («все» (2,5 %), «все, на развитие», «всех», «со всеми, все прекрасные», «с любыми, личное отношение», «любые этносы, движение к людям малых этносов», «любых», «любые», «любые вообще», «все мы люди», «мне комфортно со всеми разными этносами», «все этносы», почти все», «во всех этносах есть хорошие и плохие люди», «все, кроме цыган и арабов. Все народы хорошие», «русские, узбеки, таджики и т.д.», «азиаты», «орки»), и согласно ответам, на второе предложение «Мне не некомфор-

тно с представителями других этносов, как ...» («Я считаю, что важно уметь находить общий язык с людьми разных культур». «На мой взгляд, важнее всего характер и качества личности, а не национальность». «Я убежден, что уровень комфорта не зависит от этнической принадлежности» и др.) и б) согласно двум предложениям, получены ответы «Без разницы» (13,75 %) («без разницы» (5 %), «без разницы, главное, какой человек», «нет разницы» (2,5 %), «да без разницы», «мне это безразлично», «я безразличен к другим этносам», «никак»).

Согласно таким факторам, мы видим, что сегодняшняя молодежь (чуть больше половины испытуемых) относится более толерантно к другим культурам, что комфортность или некомфортность в коммуникации не определяется конкретными этносами, а зависит от самого человека, его ценностей и поведения.

2) Несмотря на преобладающую толерантность к другим этносам среди молодежи, выделяется фактор «Понимания и непонимания в межкультурной коммуникации», имеющий причинно-следственный характер. Согласно ответам испытуемых, нами выявлены оппозиция «Этносы, с которыми имеется опыт коммуникации/ знакомы»/«Другие этносы, незнание языка, культуры, различие в менталитетах», где первая часть дается на положительное, вторая часть на отрицательные предложения. Испытуемым комфортно с «этносами, с которыми имеется опыт коммуникации/ знакомы» (12,5 %) («обмен опытом, коммуникация», «саха, русскими, китайцами, корейцами и т.д., т.к. я с ними ознакомлена», «китайцы, корейцы, африканцы, знакомство», «негры, они крутые», «нет разницы, хорошее отношение с двух сторон», «как научный сотрудник, увеличение получаемого объема информации», «друг», «знание менталитета, языка», «да», «нет»). В основном ответы с опытом коммуникации с другими этносами дали испытуемые – студенты из Института зарубежной филологии и регионоведения (СВФУ), которые более или менее имеют контакт и опыт коммуникации с иностранными студентами и преподавателями, поскольку в стенах университета обучаются и работают иностранные граждане из Китая, Кореи, стран Африки. Испытуемым некомфортно с «другими этносами ввиду незнания языка, культуры, различия в менталитетах» (22,5 %) («с которыми я еще не знакома», «украинцы, казаки и т.д., незнание языка, культуры», «этносов, чьи языки я не понимаю», «языковой барьер, не привык говорить с другими этносами», «все другие этносы, т.к. не уверен в том, что знаю/ понимаю их культуру, менталитет», «носителей иностранных языков, язык», «культура, речь», «русские», «коммуникабельность», «китайцы, тюркские, арабские, кавказские народы, из-за распространенного дискри-

минирующего поведения», «русские, американцы, британцы и т.д., их менталитет, недоверие, традиции, история», «жители со Средней Азии, незнание нашего менталитета», «афганцы, таджики, египтяне, тюркские отличаемся мышлением и образом жизни», «иранцы, афганцы, и люди со Средней Азии, есть некое непонимание», «киргизы, китайцы некомфортно, потому что не понимаю», «среднеазиаты, т.к. не было знакомых среднеазиатов, побаиваюсь, что у них совсем другой менталитет и мы не понимаем друг друга», «цыгане, арабы (личные предрассудки)». Как мы видим, существующие или потенциальные зоны конфликтов, в основном, связаны с мигрантами из Средней Азии (такими как таджики, киргизы, узбеки) и кавказцами. Основные причины – незнание языка, культуры и менталитета, что порождает непонимание, недоверие и страх. Далее, различия в менталитетах, образе жизни и истории приводят к напряженным отношениям с другими народами (славянами, китайцами, арабами, британцами, американцами, афганцами, иранцами, египтянами, цыганами). Отсутствие знания иностранного языка и непонимание речи также являются факторами, вызванными ограниченным опытом общения. Эти разногласия в языке, культуре и религии также обусловлены географическими, религиозными и политическими факторами. Тут важно отметить, что 62,5 % участников опроса составили студенты из сельских районов, что также может влиять на восприятие и взаимодействие между различными этническими группами.

Большинство приезжих в Якутию – это трудовые мигранты, приехавшие в поисках работы и заработка, привлеченные экономическими возможностями республики. Это создает барьер для интеграции в местное общество. Взаимодействие с местным населением ограничено, за исключением тех, кто переехал с семьями. Дети таких семей, как правило, посещают местные школы и университеты, что способствует большей степени интеграции по сравнению с теми, кто приехал один на заработки. В целом, преобладает модель временного пребывания, ориентированная на экономическую выгоду, а не на долгосрочное проживание и активное участие в жизни региона.

В исследовании Д.М. Винокуровой и А.Г. Томаска Якутск характеризуется как регион с интенсивным миграционным притоком. Согласно данным МВД России за 2019 год, среди мигрантов из стран ближнего зарубежья, прибывших в Якутск, преобладают граждане Кыргызстана (7190 человек, или 19,2 % от общего числа), и Таджикистана (5992 человека, также 19,2 %). За ними следуют Узбекистан (3939 человек, 12,6 %), Армения (2201 человек, 7 %) и Казахстан (1860 человек, 5,9 %). Таким образом, почти 40 % всех мигрантов составляют прибывшие из ближ-

него зарубежья (Кыргызстан и Таджикистан) в Якутск. Кроме этого, отмечается большое количество мигрантов из Украины – 2489 чел. (7,9 %). Наибольшая доля в числе прибывших иностранных граждан с визовым режимом принадлежит гражданам Китая – 3134 чел. (42,3 %), Кореи – 443 (5,9 %), Германии – 332 (4,5 %), Японии – 279 (3,8 %), США – 211 (2,8 %), Франции – 177 (2,4 %) и Индии – 143 (1,9 %)» [13, с. 180].

3) Этническое восприятие демонстрирует разделение на «Своих»/«Чужих (приезжие)», где первые описываются в положительных контекстах, а вторые – в отрицательных. Испытуемым (16,25 %) комфортно со «Своими»: («саха», «якуты, язык», «эвены, юкагиры, русские, мы схожи», «якуты, русские, студенты по обмену из других стран, малочисленные народы Якутии», «русские, якуты, ничто», «любые народы Севера. Привычные, знакомые по внешности, характеру», «русские, эвенки и т.д.», «Якутия», «русские», «русские, я выросла в их среде», «русские, я вижу их часто и живу бок о бок с ними», «русские, знание русского языка», «славяне, родство»). Отдельно стоит отметить успешный опыт межкультурного общения народов России: добрососедство, взаимное уважение к языку и традициям, кровное родство, а также совместное обучение. Около 10 % опрошенных испытывают дискомфорт в присутствии людей, которых считают «чужими» – в их ответах фигурируют упоминания «мигрантов из стран СНГ», «жителей Средней Азии», «таджиков», «узбеков», «таджиков, претендующих на многое», «эмигрантов из других государств с иным мировоззрением», «приезжих с тревожащими религиозными убеждениями и отношением к женщинам», а также метафорические обозначения типа «орки и эльфы». Такое восприятие обусловлено религиозными различиями, экономическими факторами и вопросами безопасности, особенно в сфере отношения мужчин-мигрантов к местным женщинам.

На основе полученных результатов выделены зоны языковой комфортности/некомфортности г. Якутска.

Анализ полученных реакций выявил, что 5 % из них имеют конфликтно-генный характер. Данный фактор может быть связан с особенностями выборки: 62,5 % респондентов составляют студенты сельского происхождения, причем 35 % из них проживают в Якутске не более 5 лет. Эта группа демонстрирует выраженную ориентацию на меньшую плотность населения и наличие барьеров в межкультурной коммуникации.

Заключение

Таким образом, языковая комфортность в городской среде проявляется по-разному в зависимости от типа поселения. В крупных городах она напрямую связана с социально-экономическими факторами, тогда

как в малых городах наблюдаются свои особенности, обусловленные прежде всего географическими (природно-климатическими) условиями, а также социальными факторами, которые, в свою очередь, косвенно зависят от экономических и политических аспектов. Процессы индустриализации и урбанизации часто приводят к языковой монополии, что может создавать социальную напряженность. Минимизировать эти негативные эффекты возможно через развитие полилингвальной социально-коммуникативной системы в полиэтничном городском пространстве. Этнокультурная и языковая комфортность проявляется в запросе на этнизацию городской среды, включая придание этнического колорита городскому пространству, что находит отражение в культурно-символических аспектах городской среды. Особенно велика роль этнических пространств, символических средств и социальных практик этнизации в северных городах.

Литература

1. Анисимов Н.О. Идентичность и город. *Наука. Искусство. Культура*. 2019;3(23):170-179.
2. Богатова О.В. Социальная идентичность «городов власти» в современной России: основные социологические подходы. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные Отношения*. 2020;4(4):361-374.
3. Лефевр А. *Производство пространства*. М. 2015.
4. Тернборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения. *Социологические исследования*. 2005;4(1):31-62.
5. Горнова Г.В. Структура городской идентичности. *Гуманитарные исследования*. 2018;3(20):14-16.
6. Довбыш Е.Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2012;4:111-118.
7. Иванова Т.В. Городская жизнь как психологический опыт: повторение экспериментов С. Милгрэма в Самаре. *Город. Культура. Образование*. Самара, ПРО. 2001:69-89.
8. Микляева А.В., Румянцева П.В. *Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска?* М.: Речь. 2011.
9. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы. *Социология города*. 2012;(1):46-61.
10. Бокаев Б.Н. Язык как фактор этнической идентичности. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011;(5):95-100.

11. Озерина А.А. Городская идентичность как социально-психологический феномен. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 7, Филос. 2016;4(34):35-139.

12. Махакова Л.С. Гендерные особенности идентичности с городом среди молодежи. *Психолого-педагогический поиск*. 2018;3(47):162-167.

13. Винокурова Д.М., Томаска А.Г. Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи. *Власть и управление на Востоке России*. 2021;1(94):177-187.

References

1. Anisimov NO. Identity and the city. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2019;3(23):170-179 (in Russian).

2. Bogatova OV. Social identity of “cities of power” in modern Russia: basic sociological approaches. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2020;4(4):361-374 (in Russian).

3. Lefebvre A. *The production of space*. Moscow. 2015 (in Russian).

4. Turnbourn G. Globalization and inequality: problems of conceptualization and explanation. *Sociologicheskie issledovanija*. 2005;4(1):31-62 (in Russian).

5. Gornova GV. The structure of urban identity. *Gumanitarnye issledovanija*. 2018;3(20):14-16 (in Russian).

6. Dovbysh EG. Network technologies of urban identity formation. *South-Russian journal of social sciences*. 2012;4:111-118 (in Russian).

7. Ivanova TV. Urban life as psychological experience: repetition of S. Milgram’s experiments in Samara. *City. Culture. Education*. Samara, PRO. 2001:69-89 (in Russian).

8. Miklyaeva AV, Rumyantseva PV. *Urban identity of a resident of a modern megalopolis. A resource of personal well-being or a zone of increased risk?* Moscow: Rech'. 2011 (in Russian).

9. Diagileva NS, Zhuravleva LA. Urban identity: concept, structure, fundamentals. *Sociologija goroda*. 2012; (1): 46-61 (in Russian).

10. Bokaev BN. Language as a factor of ethnic identity. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2011;(5):95-100 (in Russian).

11. Ozerina AA. Urban identity as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 7, Filos. 2016;4(34):135-139 (in Russian).

12. Makhakova LS. Gender-specific identity with the city among young people. *Psihologo-pedagogicheskij poisk*. 2018;3 (47):162-167 (in Russian).

13. Vinokurova DM, Tomaska AG. Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): the attitude of the student youth. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2021;1(94):177-187 (in Russian).

Об авторах

БИТКЕЕВА А́йса Николаевна – доктор филологических наук, руководитель, Научно-исследовательский центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН; ведущий научный сотрудник, ФГБОУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3765-2144, Scopus Author ID: 57216578516, Elibrary AuthorID: 275322, SPIN: 7156-3722, e-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

ХОХОЛОВА Ирена Семеновна – кандидат филологических наук, доцент, Институт зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-0066-7537, ResearcherID: K-3940-2017, Scopus Author ID: 57202190583, Elibrary AuthorID: 641163, SPIN: 9555-1190, e-mail: iskhokholova@mail.ru

About the authors

Aysa N. BITKEEVA – Dr. Sci. (Philology), Head, the Research Center for National and Language Relations, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3765-2144, Scopus Author ID: 57216578516, Elibrary AuthorID: 275322, SPIN: 7156-3722, e-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Irena S. KHOKHOLOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Institute of Modern Languages and International Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-0066-7537, ResearcherID: K-3940-2017, Scopus Author ID: 57202190583, Elibrary AuthorID: 641163, SPIN: 9555-1190, e-mail: iskhokholova@mail.ru

Вклад авторов

Биткеева А.Н. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, визуализация

Хохолова И.С. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, проведение статистического анализа, администрирование данных, редактирование рукописи, визуализация, руководство исследованием, администрирование проекта

Authors' contribution

Bitkeeva A.N. – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, visualization

Khokholova I.S. – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, formal analysis, data curation, writing – review & editing, visualization, supervision, project administration

Конфликт интересов

Автор Биткеева А.Н. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век» и не участвовал в редакционной рецензии этой статьи. Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author Bitkeeva A.N. is a member of the editorial board of the “Arctic XXI Century” journal and did not participate in the editorial review of this manuscript. The authors are not aware of any other potential conflict of interest related to this manuscript

Поступила в редакцию / Submitted: 24.05.2025

Принята к публикации / Accepted: 09.06.2025